

ЛУГАНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ ГЛАЗАМИ ЛУГАНСКОГО СОЦИОЛОГА

Вообще сепаратизм это понятие политологическое и юридическое. К чему прилагаются соответствующие дефиниции и статьи нормативно-правовых актов, используемые для квалификации тех или иных событий. Мне же, как социологу-криминологу, представляется важным проанализировать ситуацию на Востоке Украины с позиций методологии и категориального аппарата «своей» области научного знания.

С точки зрения теории социального контроля всякое поведение (индивидуальное или массовое) подразделяется на нормальное и девиантное (отклоняющееся). Понятие «социальная норма» характеризует стандарты поведения большинства (группы, общности, общества). Девиация означает выход за пределы нормы. Сепаратизм, как стремление части общества к отделению от существующей системы социальных связей и отношений, является массовой социальной девиацией. И общественное мнение большинства членов украинского общества достаточно однозначно по этому поводу. Каковы же причины рассматриваемого явления?

В общественном мнении «континентальной» Украины по поводу событий в Донбассе достаточно распространенным является мнение о преобладании их инспирированности извне, со стороны правящей элиты Российской Федерации. Немалая доля истины в этом, конечно, присутствует. Особенно очевидным представляется влияние российских телеканалов. Массовое сознание – совокупность мнений, оценок, настроений, эмоций, обусловленных наличной ситуацией в городе, регионе и государстве. В период обострения социальных противоречий на первый план выходит эмоциональная составляющая общественного мнения, которая во многом зависит от информационных воздействий. И чем интенсивнее СМИ транслируют эмоциональную окраску и интерпретации фактов, тем более очевидной становится поляризация общественного мнения, разделения на «своих» и «чужих», когда те, кто прежде считались «своими» становятся «чужими», и наоборот.

Но сводить все к объяснительным моделям внешнего влияния вряд ли можно считать достаточно корректным. В регионе в целом, в городе Луганске долгое время формировались собственные социально-психологические предпосылки нынешней ситуации, имеющие объективный характер.

Особенно влиятельными, по моему мнению, оказались такие феномены регионального массового сознания и образа жизни, как *советский фундаментализм* и *внеправовые хозяйственные практики*.

Опросы, проведенные в Луганске сотрудниками лаборатории социологических и криминологических исследований Луганского государственного университета внутренних дел имени Э. А. Дидоренко (с 1996 года), позволили выделить достаточно устойчивые ценностные позиции в общественном мнении жителей города Луганска:

- 1) просоветская (пророссийская) ориентация (государственный патернализм, социальная защита) – 30–40 % респондентов;
- 2) прозападная ориентация (демократия, личная свобода и предприимчивость) – 10–15 % респондентов;
- 3) интегрализм (соединение элементов 1-й и 2-й позиций, проукраинская ориентация) – 35–55 %;
- 4) неопределившиеся – 5–10 %.

Последний массовый опрос был проведен нашей лабораторией в апреле 2014 года. Позже делать это было просто опасно для жизни интервьюеров. Да и в конце апреля в Луганске уже спокойно не было. В захваченном здании СБУ находились сотни вооруженных боевиков. На окраинах города появились блок-посты «народного ополчения». Предвидеть, что ожидает интервьюеров на маршрутах, было невозможно. К счастью, обошлось без жертв.

С 24 по 30 апреля 2014 года в городе Луганске было опрошено 710 респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Тип выборки – многоступенчатая, вероятностная, районированная выборка с использованием маршрутного метода и квот на последней ступени отбора респондентов. Опрос проводился методами стандартизированного интервью и анкетирования. В связи с провозглашенным боевиками «референдумом» было необходимо выяснить отношение луганчан к главной сепаратистской идее. Ответы на вопрос об отношении к идее вхождения Луганской области в состав Российской Федерации показали, что более половины луганчан, принявших участие в опросе, высказали лояльное отношение к призыву сепаратистов. Весьма показательное распределение ответов среди отдельных групп респондентов. Наиболее высокий уровень поддержки «ухода из Украины» был зафиксирован у представителей таких социально-демографических групп населения, как руководители предприятий и организаций (74 %), сторонники Партии регионов (74 %), сторонники Коммунистической партии (71 %), лица с плохим материальным положением (68 %), респонденты со средним образованием (65 %), русскоязычные респонденты (64 %), пенсионеры (63 %).

Мы видим среди наиболее явных сторонников сепаратизма во-первых, представителей местной элиты и ориентированных на них групп населения (руководители предприятий, сторонники Партии регионов), во-вторых, респондентов с ностальгическими просоветскими настроениями (сторонники КПУ, пенсионеры) и, в-третьих, представителей низкостатусных социальных групп (лица с плохим материальным положением и средним образованием). Интересно отметить, что русскоязычность оказалась менее значимым фактором по сравнению с некоторыми другими статусами респондентов.

Последние годы государственная идеология в Российской Федерации соединяет в себе как элементы традиционного имперского мышления, так и атрибутику советского образа жизни, что усиливает привлекательность этой модели для массового сознания россиян. И не только для жителей России, как показывают многочисленные исследования, проведенные в Луганске.

Усиление пророссийских (просоветских) ориентаций с традиционных 30–40 % до 50 и более процентов произошло вследствие интенсификации соответствующих информационно-эмоциональных влияний, что психологически усиливает позицию доминирующей точки зрения, вызывает стремление на подсознательном уровне присоединиться к «сильному» большинству для избегания социально-психологического дискомфорта. Сработал феномен негативной мобилизации – механизма интеграции населения на основе процессов роста диффузного массового раздражения, страха, ненависти, сопровождаемых чувствами общности на основе появления «врага», при перспективах нежелательного развития событий, чреватого утратой привычного образа жизни, престижа, авторитета, дохода, статуса, девальвацией групповых ценностей и т. д.

В конце 80-х годов прошлого века мы с коллегами из социологической лаборатории Ворошиловградского педагогического института (ныне – Луганский национальный университет имени Т. Шевченко) проводили первые исследования общественного мнения в области. И как-то заметили, что распределение ответов луганчан на наиболее острые вопросы того времени (будущее СССР, переход к рынку, многопартийность и т. д.) почти всегда совпадало с данными общесоюзных исследований, которые тогда проводил ВЦИОМ. Мнение «среднего» луганчанина было идентичным мнению «среднего советского человека».

Вспоминается также опрос 1996 года, проведенный в Луганске социологической лабораторией Луганского института внутренних дел. Тогда в Российской Федерации проходила президентская избирательная кампания, отличавшаяся особым напряжением («Голосуй, а то проиграешь!»; Ельцин, Зюганов, Лебедь). Респондентам был предложен вопрос «За кого бы Вы проголосовали, если бы участвовали в выборах Президента России?». Распределение голосов луганчан за каждого (!) из кандидатов за месяц до дня голосования было практически таким же (в пределах ошибки выборки), как и в данных Центральной избирательной комиссии об итогах выборов по всей России. Из «среднесоветских» луганчане трансфор-

мировались в «среднероссийских»... Впрочем, в это время сама Россия по преимуществу оставалась советской. Как минимум – в базовых характеристиках массового сознания.

После распада СССР прошло более двадцати лет. Но, как пишет российский философ С. Кара-Мурза, «советский человек никуда от нас не делся». Он просто «ушел в катакомбы». Более того, в тяжелых условиях советский человек становится «более советским», чем в благополучное время. Культурное ядро нашего общества выдержало удар перестройки и реформы».

Луганщина долгое время продолжала оставаться своеобразным заповедником советского фундаментализма. Структура массового сознания населения Луганской области, помимо воздействия общих для всей Украины факторов переходного состояния общества, складывалась под воздействием некоторых специфических региональных особенностей. Главная из них – утрата регионом прежнего высокого (престижного) статуса в составе СССР, подкрепленного как материальными ресурсами (в частности, снабжение населения), так и идеологически (родина стахановского движения, Краснодар, К. Ворошилов). Многие луганчане до сих пор вспоминают, как по выходным наблюдались массовые «колбасные» рейды из соседней Ростовской области, в которой ситуация с продуктами питания была гораздо хуже.

Поэтому общеукраинское снижение уровня жизни населения после в 90-х годах прошлого века в Луганской области психологически воспринимается более болезненно. В независимой Украине область из всесоюзного пролетарского авангарда в одночасье превратилась в аутсайдера (как по экономическим причинам, так и с точки зрения этнокультурных особенностей). А резкое снижение статуса (неважно, индивидуальное или групповое), по мнению выдающегося российского девиантолога Я. Гилинского, всегда является значимым девиантогенным фактором.

Провозглашенный Украиной переход к европейским стандартам хозяйствования усложняет функционирование исторически сложившейся в области системы экономических отношений, делает большинство предприятий региона неконкурентноспособными, что влечет за собой массовую безработицу и усиление социальной напряженности. Все это способствует формированию в массовом сознании негативного отношения к экономическим инновациям вообще. «Лучше синица в руках» (сохранение статуса), «чем журавль в небе» (инновационная модернизация экономики). И как только курс на евроинтеграцию стал более очевидным, зерна контрагитации упали на благодатную почву. Особенно с учетом того, что никакой внятной альтернативы мрачным (по мнению оппонентов нынешней власти) перспективам региона в общем-то предложено и не было.

Достаточно высок в регионе уровень вовлеченности населения во внеправовые (теневые, криминальные и полукриминальные, коррупционные) отношения. Данная ситуация имеет свою предысторию, связанную с освоением региона и его промышленным развитием. В 50-х годах прошлого века массовое строительство крупных промышленных предприятий

совпало с амнистиями послесталинского периода. По данным известного луганского правоведа Б. Розовского, из числа ныне здравствующих жителей Луганской области в некоторых возрастных группах минимум каждый шестой привлекался к уголовной ответственности. А бывший начальник областного УМВД В. Гуславский несколько лет назад вообще сделал заявление о том, что в Луганской области на 2,5 миллиона населения – полмиллиона ранее судимых. Следствием всего этого была традиционная для региона терпимость значительной части населения к асоциальным проявлениям.

В контексте соединения советского фундаментализма и внеправовых традиций показательным является тот факт, что первые в регионе бандитские «бригады» начала 90-х годов, отличавшиеся особой дерзостью и жестокостью, состояли из жителей Краснодона и Стаханова – городов-символов советского периода. Интересно, что представители этих же городов фигурировали и в качестве основных участников захвата здания СБУ в апреле 2014 года.

Луганская область имеет самую длинную в Украине протяженность государственной границы с Россией (776 км). Границы не обустроенной, слабо защищенной, не маркированной. Автор однажды в середине 90-х годов был свидетелем того, как сотрудник украинской ГАИ вымогали взятку с российского водителя, устроив «засаду» ...на российской же территории (кстати, недалеко от известного Изварино). А слабая граница – простор для контрабанды.

Разворовывание бюджетных дотаций угольной отрасли, незаконная добыча угля (пресловутые «копанки»), нелегальные транспортное обслуживание, производство, торговля и т. д. – во всех этих видах

деятельности были прямо или косвенно задействованы сотни тысяч жителей области. К этому следует добавить немалое количество трудовых мигрантов, многие из которых работают в России на условиях теневого найма.

С учетом вышесказанного, события на Востоке можно интерпретировать еще и как криминальную контрреволюцию. Как ответ Донбасса на антикриминальную революцию в Киеве. Провозглашенные Майданом лозунги были восприняты как покушение на привычный порядок. Пусть полукриминальный, теневой, но стабильный и достаточно комфортный. Его обрушение предвещало очень серьезные неудобства. И не только для теневых хозяев региона. Отсюда протест против евроинтеграции, против идей и лозунгов Майдана. Но, поскольку явное выражение симпатий к криминальному порядку в регионе неприлично, в ход пошли маскировочные тезисы о федерализации, о присоединении к России, скрывающие, главным образом, нежелание что-либо менять в своей жизни.

Исходя из вышеизложенного, основными приоритетами социальной политики (помимо политических, военных, административных мероприятий) по преодолению сепаратизма в массовом сознании луганчан должны стать, во-первых, десоветизация культурно-информационного пространства (здесь важным является не огульное отрицание советско-российского информационного контента, а дифференцированное отношение к различным его элементам) и, во-вторых, декриминализация трудовых практик через проведение радикальных модернизационных мероприятий в экономике (своеобразного «плана Маршалла для региона»).

Рецензенты: Лозко Г. С., д-р филос. наук, профессор;
Горбаченко Т. Г., д-р филос. наук, профессор.